

сознанию. Между тем знаемые, создаваемые ценности бывают мало связаны с действительными, т.е. с волей к действию.

Средство социокультурного программирования, – это не содержание сообщений, а их способ, язык – в широком смысле слова. Будучи обычно незаметным, нерелективируемым, неосознаваемым, прозрачным, язык, в то же время, является основным носителем ценностных, культурных категорий. Практически каждое слово современного языка – это незаметная шпата, повествование, миф, аббревиатура, за которой скрываются ценности, которые присваиваются незаметно, неосознанно.

Поэтому источник свободы ценностного самоопределения в насковзь семиотизированном, языковом мире, каким является мир человека, видится нам в языковой рефлексии, проблематизации, грамматическом анализе, этимологии – в предельно сознательном использовании языковых средств, ибо помимо нас, сквозь нас, посредством нас они проводят в жизнь волю и ценности других людей, живущих и давно умерших, осажденную в значениях нерелективно используемого языка. В данном контексте могут быть осмыслены и цели образования.

Т. С. ОРЛОВА

РАЦИОНАЛИЗМ И ДУХОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Перед российским обществом стоит серьезная задача: выработка в содержании и структуре экономического сознания собственных ценностных координат, смыслов и установок, способствующих формированию социально ответственного хозяйствующего субъекта.

Экономика по самой своей сути и назначению антропологична. Но ее разворот лицом к человеку растянулся во времени на многие века, приобрел противоречивый и драматический характер. Так, история богатства и огромных состояний ничтожного числа людей писалась кровью и вероломством, путем попрания жизненных интересов большинства. И причины тому надо искать не столько в экономике, сколько в самом человеке. Именно по его «образу и подобию» выстраивалось хозяйство, производство и труд, распределение, обмен и потребление, «отливались» институциональные формы собственности, экономического права, инструменты финансовой, кредитной и денежной политики.

В хозяйственно-экономическом и социальном опыте прошлого безраздельно господствовала установка исключительно на полезность, выгодность, прибыль и богатство. «Хозяйство стимулируется стремлением к богатству и преодолению бедности», – констатирует С. Н. Булгаков [1, с.215]. И сущность хозяйственного процесса почти непроницаемо занавешивается этим всеобщим соревнованием, конкуренцией, раздробляющей единый и целостный процесс на отдельные дробные единицы. Но именно на этот факт – богатство (и соответственно, бедность) как личное достояние (состояние), социально обусловленное, и ориентируется политическая экономия. Центром экономической теории продолжает оставаться богатство, национальный доход

в совокупности, прежде всего, материальных благ и услуг. Если обратиться к истории экономической мысли, то проблема богатства рельефно и буквально фигурировала в названии самих трудов классиков [6]. Идеей и смыслом богатства вдохновлялись в массе своей и субъекты хозяйствования в рыночной экономике.

«Всеми и всем движет прибыль!» – таков принцип и смысл весьма символической по названию книги Дж. Сороса «Алхимия финансов». По его признанию, «рыночная экономика врожденно аморальна». Принцип стоимости, выгоды и прибыли, реализуемых в своих абсолютных значениях самодостаточности, приобретает зловещий смысл. И он должен быть критически осмыслен и преодолен, в том числе, с позиций самой экономической науки.

В структурном и функциональном взаимодействии основных ресурсов (факторов) хозяйствования происходит не только их переоценка, но и перестановка, новое сочетание по их месту, роли и значимости в целостной системе общественного производства. Решающим фактором в постиндустриальном развитии становится сам человек. Особенно актуальным представляется философский анализ человека с позиций выявления сущности, целостности, смысла, а также соотношения целей хозяйствующих индивидов и целей экономической системы, в которой разворачивается эта деятельность. По справедливому утверждению Ф. Хайека, прежде чем отвечать на вопрос, какие силы движут экономикой, следует разобраться в том, какие силы движут самим человеком. И главное, что есть сам человек? Внимание к мотивационной структуре хозяйственной деятельности людей выступает важнейшим социальным и психологическим фактором развития экономики.

Суть философского подхода к человеку заключается в стремлении охватить реальное человеческое существование во всей его полноте, целостности и взаимосвязи, ценностно-целевом и смысловом аспектах его места и отношения к окружающему природному и социальному миру. Целостный, системный и комплексный подход к человеку, интегрирующий многообразие его жизнедеятельности, позволяет нам приоткрыть сущностный лик человека как субъекта хозяйствования.

Безусловно, хозяйствующая личность не может не рационализировать свое мышление и свое поведение. Она видит в этом наиболее эффективный способ достижения поставленных целей. С другой стороны, человек отнюдь не всегда правильно формулирует эти цели, не всегда адекватно соотносит их с объективными условиями и не всегда объективно верно определяет задачи.

На экономическую политику и экономическое образование во многих развитых странах серьезно повлияла теория рациональных ожиданий.

Во-первых, она оказалась способной заполнить пробел, образовавшийся в результате того, что кейнсианство якобы не в силах было объяснить и поправить с помощью политики положение, при котором инфляция и безработица существовали одновременно.

Во-вторых, теория рациональных ожиданий твердо опиралась на теорию рынков и особое внимание уделяла хозяйственному поведению людей. Тем

самым, благодаря ей, в экономический анализ стали включаться достижения психологии, а сама экономика превратилась в «поведенческую» науку.

В-третьих, эта теория учитывает возросший уровень экономической осведомленности всех участников рыночных отношений. Сторонники теории рациональных ожиданий отмечают, что ключевые институты, принимающие решения – крупные корпорации, главные финансовые учреждения и профсоюзные организации, – нанимают в штат экономистов, которые помогают предсказывать результаты новой государственной политики.

В-четвертых, стагфляцию, устойчивое сочетание высокого уровня инфляции и безработицы, сторонники теории рациональных ожиданий также связывают с фактически имеющимися место недостатками в передаче и обработке информации: функционирование каналов передачи информации на практике далеко от совершенства, неодинаков доступ к имеющейся информации у отдельных экономических агентов [4].

Отсюда следовал вывод о том, что для экономики необходимы кадры специалистов, которые могли бы осуществлять эффективный поиск и обработку новой информации на основе прагматизма, расчета и рационализма.

Краеугольным принципом теории рациональных ожиданий является утверждение о том, что «потребитель сам знает, что ему нужно, и что экономическая система действует лучше всего тогда, когда удовлетворяет желаниям потребителя, которые проявляются в его поведении на рынке» [5, с. 370]. Тезис о том, что «потребитель всегда прав», давно знаком и россиянам. Проблема, однако, заключается в том, а всегда ли потребитель знает, чего он хочет, и всегда ли его поведение в качестве хозяйствующего субъекта будет эффективным?

С другой стороны, государственное регулирование в сфере образования также преследует, казалось бы, сугубо рациональные цели и задачи. Государство рассматривает образование как «процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, ориентированный на сохранение и передачу знаний новым поколениям в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, постоянного совершенствования нравственного, интеллектуального, эстетического и физического состояния личности и общества» [3, с. 173].

Одним из признаков неверной системы ценностных координат в сфере профессионального (и прежде всего, экономического) образовании является абсолютизация принципов рационализма, прагматизма, гедонизма, выхолащивание из образовательного процесса подлинно духовного, гуманистического начала, пустое декларирование в теории и несоблюдение на практике нравственного совершенствования.

В конце XX – начале XXI вв. все мы стали свидетелями несостоятельности рационализированного экономического образования, да и самих макроэкономических теорий, основанных на принципе рациональных ожиданий. Возможно, это было вызвано тем, что люди небезосновательно отказывались верить обещаниям правительства. Но главной причиной стало то, что голый рационализм и гедонизм привел к тому, что в сфере экономического

образования стал формироваться не просто специалист-прагматик, а часто просто циничный эгоист, которому внушили в качестве главной установки задачу «минимизировать издержки и максимизировать прибыль». Окончательно репутацию многих апологетов общей концепции рационализма разрушили произошедший в 1987 году крах фондовой биржи, российский дефолт 1998 года и другие глубокие потрясения, которые произошли, как казалось, без каких-либо явных причин. Это послужило началом того, что в экономическую науку и сферу экономического образования стали потихоньку допускаться идеи, учитывающие реальную возможность нерационального поведения. Сегодня многие экономисты, занимающиеся осмыслением тенденций в развитии экономического образования, используют последние достижения экспериментальной психологии, подвергая при этом жесткой критике саму идею рациональных поведений, как отдельного человека, так и целого сообщества.

Отказ от гипертрофирования и абсолютизации теории рациональных ожиданий, а шире – от голого рационализирования в сфере экономического образования, давно осуществлен в США, Японии, странах Евросоюза.

Это позволило существенно усовершенствовать экономическую культуру в обществе, сформировать эффективные корпоративные ценности, бизнес-этику, кодекс конкурентных отношений, развивать добросовестную конкуренцию. Так, в Японии уже в сфере экономической подготовки будущих специалистов закладываются основы именно межличностных взаимоотношений (принцип «йэ»), формируется демократичная манера принятия управленческих решений (принцип ринги «сэдо»). Важным принципом профессионального образования руководителя и исполнителя является принцип «сэйсин» – принцип постоянного самосовершенствования и самообразования. Смысл использования этих и ряда других принципов состоит в том, чтобы наряду с рационализмом использовать для достижения успеха и другие ресурсы, а сам успех трактуется не как максимальная прибыль, а как взаимная выгода, общественная полезность. Кстати, в Европе давно отказались от установки на максимальную прибыль и минимизацию затрат. Так, в 1973 году на III Всероссийском симпозиуме менеджеров в г. Давос (Швейцария) был принят Манифест, в котором на место экономического принципа максимизации прибыли был поставлен принцип социальной ответственности корпораций перед обществом [8, с.171-172]. К сожалению, наше экономическое образование в начале XXI в. лишь воспроизводит зарубежные модели образования середины 60-х гг. XX в. Если это называется «модернизацией» современного экономического образования в России, то с такой «модернизацией» вряд ли следует соглашаться. Правомерно замечание о том, что «напрашивается вывод, что система профессионального образования в определенном смысле работает вхолостую, поскольку для экономики в ее нынешнем состоянии подготовленные специалисты не нужны» [2, с. 96]. Но «холостые обороты» современной российской системы образования в целом, а экономического, в частности, нельзя связывать только с нынешним состоянием экономики. Необходимо понимать и то, что качество выпускников

большинства российских экономических вузов и факультетов само по себе достаточно низкое. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что дипломы абсолютного большинства российских вузов по экономическим специальностям на Западе не конвертируются. Подписывая Болонскую конвенцию в сфере образования, делая современное образование, в том числе и экономическое, более открытым и интегрированным, следует помнить, что глобализация образования может привести как к положительным, так и отрицательным последствиям. Об этом, в частности, свидетельствует формирование экономического сознания, в структуре которого наблюдаются существенные метаморфозы [7, с. 317-391].

Отказываясь от приоритетов рационализирования, прагматизма и гедонизма в пользу духовности, гуманитаризации и гуманизации современного профессионального (в том числе и экономического) образования, мы должны отдавать себе отчет в том, что это тоже модернизация, но не со знаком «минус», а со знаком «плюс». Такая модернизация нацелена не на слепое копирование, воспроизведение чужого (и чуждого нам) образовательного опыта в российских условиях, а на формирование, прежде всего, нравственного специалиста и нравственной экономики.

«Высшей», крайней формой «голового» рационализирования экономического сознания, «конечным» продуктом этого процесса является полная утрата креативности (творческого потенциала) и ее замена (подмена) идеологием (идеологизацией).

Не хлебом единым жив человек. Экономика, производство должны напружаться, регулироваться высшими, сверхэкономическими мотивами, ценностями, целями и идеалами. Но именно через хозяйство, производство, труд, через конкретный, специальный вид профессиональной деятельности человека должны проходить силовые линии его духовного напряжения.

При таком понимании хозяйства оно предстает как явление духовной жизни, как и все другие сферы приложения человеческой деятельности, и все формы социальности хозяйства. Дух хозяйства – это не фантом и не вымысел, это – реальность. Духовная достоверность открывает глаза на сущность хозяйственной жизни, на основные способы и основополагающие акты хозяйственной жизни: производство и труд, богатство и достаток, собственность и распределение, организацию и управление, цели и средства хозяйствования.

Так, к примеру, рассматривая собственность, ее нельзя сводить только к области хозяйственных отношений. Собственность более принадлежит к сфере права, нравственности, психологии и социальных отношений. С наименьшим основанием такое суждение должно быть отнесено и к финансам. Финансы – это не просто деньги, а, прежде всего, – отношения по распределению и потреблению богатства.

Односторонняя модель экономического человека, которая насильственно утверждается в хозяйственном бытии России, является тупиком человеческой сущности. Подобный вывод был сделан выдающимся русским философом и экономистом С. Н. Булгаковым незадолго перед социалистической революцией

в России в 1916 году в его «Истории экономической мысли». Эпоху Возрождения с ее антропоцентристской направленностью Булгаков считал «духовной колыбелью Ното економікус». Гуманизм, беспредельный эгоизм, гедонизм, сенсуализм, индивидуализм, рационализм и экономический материализм взрастили современного экономического человека. И многие нынешние хозяйствующие субъекты-предприниматели воплощают в себе тот же угарный дух корысти, наживы, выгоды и богатства.

Если человек выбирает и обосновывает эгоистическую цель обеспечения своего личного благополучия любой ценой и за чужой счет, неограниченного потребления невозобновляемых природных ресурсов и биологических структур, путем ущемления жизненных интересов других людей – такая цель лишена не только нравственных, но и рациональных экономических оснований. Такая цель является опасной и губительной и в социальном плане. Социально-экономическое развитие не только в своей данности, в процессе развития, но и в своих возможностях определяется духовно-нравственным миропорядком хозяйства.

Произошло чудовищное искажение мотивов экономической деятельности и ценности самого труда. Они все более переключаются не на создание полезных благ, а на извлечении прибыли, – любой ценой и за чужой счет. Рентные, статусные, спекулятивные, теневые доходы уродуют экономику, разворачивают ее в сторону от реального и производительного сектора. Созидательный труд с достойной оплатой подменяется на участие, как правило, преступное, в перераспределении и переделе собственности, доходов, власти. Недопустимо высокой степени достигла имущественная дифференциация, рассогласование экономических и социальных интересов общества, государства в целом и подавляющего большинства хозяйствующих субъектов.

Стремительно радикальную псевдолиберализацию и «рыноконизацию» независимо от устремлений наших «младореформаторов» следует квалифицировать по названию работы крупного идеолога современного либерализма Ф. Хайека как «пагубную самонадеянность». По его известному признанию, «вести счет в рыночных ценностях – значит вести счет в человеческих жизнях».

Определяющим условием понимания богатства является постижение сущности самого человека, взятого в единстве и целостности всех его составляющих, от природно-биологических до социокультурных и духовно-нравственных компонентов личности. Именно масштабом личности, иерархией ее потребностей, интересов и запросов, широтой и глубиной внутреннего духовного мира, мерой творческих способностей и созидательной активности следует оценивать уровень и сущность подлинного богатства.

Хозяйствующая личность не может не рационализировать свое мышление и свое поведение. Она видит в этом наиболее эффективный способ достижения поставленных целей. Другое дело, что человек не всегда правильно формулирует эти цели, не всегда адекватно соотносит их с объективными условиями и не всегда объективно верно определяет задачи. Хорошо, когда рационализм или утилитарность сочетаются с духовностью и любовью, но

скверно, когда они подменяют духовность и любовь. Когда за формой нет ровным счетом никакого содержания, голый рационализм вырождается в обскуратизм, пустой модернизм. Такой феноменологический декаданс не способен раскрыть и актуализировать креативный потенциал сознания человека. С другой стороны, рационализм, поставленный в условия духотворения, предполагает, что сознание есть система, опосредованная законами логики. Логически полезные, выгодные, а, следовательно, и социально-правильные, оптимизированные идеи, цели и задачи, а также средства их достижения определяются в структуре и содержании экономического сознания хозяйствующей личности в силу ее нацеленности, направленности, предрасположенности к их поиску. Рационализм есть одно из общих, генеральных условий актуализации креативности. Это условие целиком и полностью социокультурно по своей природе, поскольку определяется именно социальными и культурными характеристиками каждого конкретного общества. Но необходимы и конкретные условия для подлинно эффективной актуализации креативности, без которой она не осуществляется. Такими условиями являются *любящее сердце* (И. А. Ильин), *добрая советь* (П. Б. Струве), *стремление жить не по лжи* (Л. Н. Толстой). Эти духовно-нравственные основания целостной человеческой личности позволяют не гипертрофировать рационализм, а использовать ее творчески, созидательно, конструктивно и объективно в интересах всех и каждого («жить со всеми и для всех») – Н. Федоров).

Литература

1. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства*. М., 1990.
2. *Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров* / Под ред. Т. Л. Клячко. М., 2002.
3. *Правовые проблемы модернизации образования* / Отв. ред. А. И. Родков. М., 2002.
4. Сарджент Т. *Теория рациональных ожиданий* / Пер. с англ. М., 2002.
5. Скитовски Т. Суверенитет и рациональность потребителя // *Вехи экономической мысли: В 3-х т. Т. 1. Теория потребительского поведения и спроса* / Под ред. В. М. Гальперина. СПб., 2000.
6. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М., 1962; Посошков И. Т. *Книга о скудости и богатстве*. М., 1951.
7. Стожко К. П. *Экономическое образование*. Екатеринбург, 2002.
8. *Экономика предприятия: Учебник для вузов* / Под ред. Ф. К. Беа, Э. Дихтла, М. Швайгцера / Пер. с нем. М., 1999.

О. Ф. РОДИН

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Тенденции изменения общей ситуации образования в конце XX – начале XXI века совпадают с общими принципами его реформирования в мире и в России. Хотя эти принципы были сформулированы применительно к среднему